исповедь к своим капелланам; что они не делали ничего противного христианской вере, что же касается их стремления обеспечить благополучие ордена любыми средствами, хорошими или дурными, то дело обстояло как раз наоборот, поскольку в уставе ордена сказано: если обнаружится, что кто-либо сделал нечто незаконное, его лишают одеяния и изгоняют из ордена. На вопрос, что его побудило стать отступником и бежать из ордена, он ответил, что поступил так из страха смерти, ибо аббат Ланьи (папский инквизитор), когда допрашивал его в Линкольне, спросил, не признается ли он в чем-либо еще, а он ответил, что не знает, в чем еще признаваться, если его не заставят лгать; и что *аббат, положив руку на грудь, поклялся словом Господним, что заставит его признаться прежде чем покончит с ним!* Смертельно испугавшись, Томас подкупил тюремщика, дав ему сорок флоринов, чтобы тот помог ему бежать.

Аббат Ланьи и в самом деле оказался хозяином своего слова, поскольку 29 июня, через четыре дня после столь опрометчивого признания, брата Томаса Точчи де Торолдби снова доставили в церковь св. Мартина, и там, в присутствии тех же лиц он сделал третье признание, в котором заявил, что, принужденный двумя тамплиерами с обнаженными мечами, он отверг Христа устами, но не сердцем, и плюнул *рядом* с крестом, но не на него; что от него потребовали плюнуть на образ девы Марии, но он сумел вместо этого облобызать ее ногу. Он утверждал, что слышал, как Брайан ле Джей, магистр Храма в Лондоне, говорил очень давно, что Иисус Христос — не истинный Бог, а человек, что один волосок из бороды сарацина стоит больше, чем тело любого христианина. Томас показал, что однажды находился рядом с братом Брайаном, когда некие бедняки просили у него подаяния во имя Господа и пресвятой девы Марии, а он ответил: «Какая дева, идите к черту с вашей девой» и со злостью швырнув мелкую монету в грязь, заставил бедняков драться из-за нее, хотя на дворе была суровая зима. Он также рассказал, что на капитулах священник стоял, как бездушная скотина, и ничего не делал, только